

Лизавета Боровикова

Любовь – как сахар в революцию

*Ландыш, ландыш белоснежный,
Розан аленький!
Каждый говорил ей нежно:
«Моя маленькая!»
М. И. Цветаева*

**Когда-то Римас Туминас к юбилею
Театра Вахтангова поставил спектакль
«Пристань» – от нее вахтанговский корабль
отправился в странствие. В этом сезоне он
пришвартовался на затерянном где-то в
океане острове: песчаные дюны, зыбучие
пески, выброшенные на берег и чудом
ущелевшие старинные вещи и диковинные
люди.**

В «Повесть о Сонечке», поставленную Владиславом Наставшевсом по одноименной повести Марины Цветаевой на Новой сцене театра, зрители погружаются словно в теплую воду. «Пишу тебя на океане»¹, – сказано у Цветаевой, – и она закончила свою повесть в городке Лакано-Осеан на атлантическом побережье. Наставшевс же помещает главную героиню на остров, где нет суеты, нет быта – нет ничего, что могло бы отвлечь его обитателей от воспоминаний, оживающих счастливыми мгновениями, ситуациями, людьми.

«Черный кабинет», вдали на аръерсцене проем и гора песка – центральный элемент сценографии и главная метафора спектакля (художники – В. Наставшевс и В. Барсукова). «Представьте себе... что вместо меня Бог бы держал часы и забыл бы перевернуть. Ну, задумался на секундочку – и – кончено время»². Герои воспоминаний Цветаевой появляются словно из этого песка и из этого «конченного» времени. Вот Сонечка в исполнении Ксении Трейстер выбирается из выброшенного на берег и погребенного в песках старинного книжного шкафа. Вначале мы слышим лишь приглушенный голосок, затем распахиваются стеклянные дверцы, и мы видим маленькие ладошки да торчащие во все стороны кудряшки, а после брошенной вскользь цветаевской реплики («Но где же Сонечка? Сонечка – уже близко, уже почти за дверью») из лежащего плашмя шкафа легко выныривает юное хрупкое создание – студийка Сонечка Голлидэй. Только появившись, она сразу заполняет собой все пространство воспоминаний Марины Цветаевой и все сценическое пространство. Ее «Ах! Марина!» – тонюсеньким голоском и вступлением к каждой фразе – легко теснит все мужские голоса в сознании Цветаевой. Сонечка Голлидэй – актриса-бабочка: ее яркий взлет, который отмечали и К.С. Станиславский и Е.Б. Вахтангов, был скоротечен – в памяти тех, кто ее видел, она навсегда осталась юной трогательной девочкой с огромными глазами и длинными черными косами. Такой ее и играет Ксения Трейстер – легкой, воздушной, звонкой, наделенной острым умом, умением удивляться и восхищаться всем на свете. Она легко взлетает на подвешенное под колосниками старинное зеленое кресло и, забравшись в него с ногами, быстро-быстро рассказывает свои истории про первую любовь и про некрасивые тяжелые сапоги, меняя эмоции и интонации. На ее внезапные капризы и кокетство, вспышки отчаяния и веселья Марина Цветаева Евгении Крегжде смотрит тепло и отстраненно, поскольку все действие происходит в ее прошлом, в ее душе, в ее книге, в призрачных

К. Трейстер – Сонечка. «Повесть о Сонечке». Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова. Фото Э. Закировой

воспоминаниях о романтических, наполненных счастьем мгновениях московской жизни.

Для Сонечки Марина – всё: и учитель, и кумир, чьим талантом она восхищается, но при этом их отношения настолько доверительны и близки, что общаются они просто, без поправки на разницу в возрасте, и легко позволяют друг-другу фамильярности. Они обе влюблены в Юрочку Завадского, выведенного на сцену Константином Белошапкой в образе эдакого Давида, но при этом между женщинами нет даже намека на соперничество. А в Сонечку влюблен Володя Алексеев (актер Третьей студии МХАТ), перед Цветаевой он преклоняется, но для обеих женщин это как будто не имеет никакого значения, они увлечены друг другом, искренними и душевными разговорами, возможностью быть самими собой. При различных, казалось бы, внешних проявлениях чувств, они очень похожи внутренне, родные души, не умеющие существовать без любви.

«Марина, вы всегда будете меня любить потому, что я скоро умру... не знаю, почему, ведь я так люблю жизнь...»⁵, – любовь и смерть, молодость и смерть. С самого начала спектакля у стены стоят похоронные венки, вот Марина берет их и бросает к ногам Сонечки, а та ловко накидывает их на себя, словно разноцветные тяжелые бусы. Режиссеру удается раздвинуть рамки литературного текста, каждое слово он

Е. Крегжде – Марина Цветаева, К. Трейстер – Сонечка. «Повесть о Сонечке».
Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова.
Фото Э. Закировой

изящно переводит в действие, периодически перекидывает мостки между прошлым и настоящим, не давая забыть, что это все лишь воспоминания главной героини. На финал ее трагической судьбы Наставшев указывает почти в самом начале спектакля. Алексей Стахович – аристократ, генерал-майор, пайщик, актер и директор МХТ, не сумевший перенести изменений в стране и потерь в семье, – повесился, о чем Цветаева говорит с нескрываемой печалью. И вот, с петлей на шее Константин Белошапка–Стахович уже устроился в шкафу со стеклянной дверцей, и Марина с Сонечкой тихо плачут над гробом... Но вдруг «покойник» оживает и начинает повторять вместе с Сонечкой уроки хороших манер, которые он преподавал студийцам: как незаметно подтянуть сползший чулок или правильно подать руку мужчине. А собравшиеся у гроба дамы то плачут о покойнике, то с нескрываемым ехидством обсуждают последние театральные новости. Гротеск, с которым актеры ведут эту сцену, кажется истинно вахтанговским. Но смех обрывается трагической нотой – Стахович молча протягивает веревку с петлей сидящей напротив Цветаевой...

«Действующих лиц в моей повести не было. Была любовь. Она и действовала – лицами»⁴, – писала Марина Ивановна о своей повести. Этой бестелесной всеобъемлющей любовью в спектакле Наставшевса

К. Трейстер – Сонечка, Е. Крегжде – Марина Цветаева. «Повесть о Сонечке».
Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова.
Фото В. Мясникова

пронизано все. И даже общая любовь Марины и Сонечки к Завадскому, тоже не плотская, не случайно видится он им в образе ангела с пышными крыльями за спиной.

«Повесть о Сонечке» должна была ожить именно в этих стенах, ведь ее герои непосредственно связаны с историей Театра Вахтангова, они сами являются его историей. В 1918 г. поэт Павел Антокольский, посещавший занятия Мансуровской студии, познакомил Марину Цветаеву с Евгением Вахтанговым. Для его студийцев она написала несколько стихотворных пьес: «Я стала писать пьесы – это пришло как неизбежность – просто голос мой перерос стихи, слишком много воздуха в груди стало для флейты...»⁵ Среди молодых студийцев, кроме Сонечки Голлидэй, был и Завадский, в которого Цветаева была влюблена, ему посвятила 25 стихотворений из цикла «Комедьянт» (некоторые из них в исполнении режиссера звучат в спектакле, музыку Владислав Наставшевс написал в соавторстве с Иваном Лубенниковым). Тогда Вахтангов не заинтересовался романтической драмой «Метель», которую Цветаева читала в Студии, – может быть, именно поэтому героиня Е. Крегжде будет неволью «запинаться» при каждом упоминании его имени. Цветаева любила цитировать Гейне: «Поэт неблагоприятен для театра, и театр неблагоприятен для поэта»⁶. Девять цветаевских пьес, написанных

Е. Крегжде – Марина Цветаева, К. Белошапка – Он. «Повесть о Сонечке».
Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова.
Фото Э. Закировой

в те годы, так и не были поставлены, и она больше не приближалась к театру так близко, как тогда. Наставшевс же делает Цветаеву режиссером собственных воспоминаний: периодически героиня Крегжде отходит к правому краю сцены, где – словно в зрительном зале – стоят разномастные стулья из разных эпох и спектаклей, садится спиной к нам на один из них и замирает, наблюдая за тем, как живут и действуют персонажи ее прошлого.

Стрижка с подвитыми наружу кончиками, неизменная челка, застегнутое на все пуговицы платье, широкий, почти мужской пиджак с большими карманами и неизменный дым от сигареты – узнаваемый образ. Сперва даже пугаешься сходства: кажется, что сама Цветаева вышла на сцену. Марина Ивановна Евгении Крегжде в спектакле больше слушает, чем говорит, наблюдает, любит, словно пытается запомнить каждую деталь счастливой жизни. Ее героиня соткана из любви. Всегда сдержанная, терпеливая, скрывающая набегающие слезы за темными очками – из этого состояния ее темперамент выберется, нет, вырвется всего несколько раз. Первый – когда в разговоре с Володей она будет биться головой об обратную сторону зеркала и, до хрипоты в срывающемся голосе, доказывать не ему, себе, что любит не Завадского, а его – Володеньку, который лишь преклоняется перед ней-поэтом.

Е. Крегжде – Марина Цветаева. «Повесть о Сонечке».
Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова.
Фото Я. Овчинниковой

Второй – когда Володя уходит на войну и прощается с ней навсегда: Цветаева–Крегжде вырвется на сцену завернутой в алое полотно, тянущееся по диагонали из-за кулис. Красный – цвет страстной любви, которой так хотелось Марине, он же – цвет крови. И третий – когда Цветаева, находясь в эмиграции, получит запоздалое письмо о смерти ее Сонечки. В спектакле нет истории их расставания, лишь обреченно шагающая по вращающейся платформе юная актриса с блестящими от слез глазами, которую на руках унесет с острова воспоминаний один из мужчин (все мужские роли с замечательной иронией и отстранением сыграны Константином Белошапкой). Позже он появится в образе монтировщика и начнет разбирать декорацию Марининых воспоминаний, но она оттолкнёт его и быстро, будто пытаясь кого-то догнать, побежит по той же крутящейся платформе, объясняя, чем была для нее юная актриса с большими глазами: «Как всем известно, сахар – не необходим, и жить без него можно, и четыре года Революции мы без него жили, заменяя – кто патокой, кто – тертой свеклой, кто – сахаринном, кто – вовсе ничем. Пили пустой чай. От этого не умирают. Но и не живут. Без соли делается цинга, без сахару – тоска. Живым белым целым куском сахара – вот, чем для меня была Сонечка. Грубо? Грубо – как Корделия: – “Я вас люблю, как соль, не больше, не меньше”. Старого короля можно любить, как соль,

но... маленькую девочку? Нет, довольно соли. Пусть раз в мире это будет сказано: я ее любила, как сахар – в революцию. И все тут»⁷.

В финале спектакля состарившаяся Цветаева, раскалывающимся хриплым голосом тихо начнет размышлять о Сонечке, потом оборвет себя и, прислушавшись к песне «Тоска по родине», на стихи написанные в год смерти Голлидэй, закурит. Музыка становится громче, и Марина на мгновение молодеет, начинает по-ребячески прыгать и танцевать, залиvisto смеется, потом неожиданно останавливается, машет рукой и медленно взбирается по песчаной горе наверх. Там, у двери, ведущей в вечность, она в последний раз оборачивается, дослушивает:

*Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно ...*

Музыка обрывается, и последнее слово Цветаева произносит сама – «рябина...».

¹ *Цветаева М.И.* Повесть о Сонечке / [Сост. В.А.Пушкарев]. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. С. 22.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ *Саакянц А.* Марина Цветаева. Жизнь и творчество. Романтический театр Цветаевой (1918–1919). <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/biografiya/saakyanc-cvetaeva/romanticheskij-teatr-1918-1919.htm> (Дата обращения: 03.04.2024)

⁶ *Цветаева М.И.* Указ. соч. С. 34.

⁷ Там же. С. 144.